

— Патриарх Чи Сянь готовится принять грозовую кару вознесения!

— Две тысячи лет... Наконец-то хоть кто-то на континенте Минсяо дошёл до этой грани!

Окружающие пики секты Куньюань мигом запрудили толпы практиков, стекшихся со всех уголков мира, чтобы воочию узреть великое таинство.

— Кто бы мог подумать, — шептались в толпе. — Ведь в юности патриарх Чи Сянь был всего лишь нищим в мире смертных. Из последних сил он приполз к подножию гор Куньюань, умирая от лютой хвори. Лишь благодаря милосердию молодого главы семьи Чжао, который проходил мимо и дал ему Пилюлю оттеснения болезней, Чи Сянь выжил и попал на великий отбор учеников.

— Вот только на проверке у него обнаружили лишь жалкий пятиэлементный духовный корень. То, что его вообще оставили слугой во внешнем ордене Куньюань, — заслуга того же молодого главы семьи Чжао. Он случайно вспомнил о бедолаге и замолвил за него словечко перед управляющим внешнего ордена.

— Великие отборы проходят раз в десять лет, но я до сих пор помню тот выпуск. За последние несколько веков это была, пожалуй, самая одарённая группа новичков.

— Ещё бы! Тогда две секты, три школы и четыре ордена заполучили сразу шестерых гениев с чистыми единичными корнями. Среди них был и молодой глава семьи Чжао с редчайшим мутировавшим огненным корнем, и юный преемник Врат Цянькунь, и Ли Тяньюэ — дочь старейшины Ли из школы Линбао... Да одних лишь обладателей двойных корней набралось не меньше двух сотен!

— И каков итог? Молодой глава семьи Чжао ушёл из жизни в самом расцвете сил. Преемник Врат Цянькунь навечно застрял на стадии Зарождения Души. Школа Линбао истощила все свои запасы, чтобы возвысить Ли Тяньюэ до Истинной владычицы Зарождения Души, но и она пала четыреста лет назад в великой войне добра и зла.

— И только патриарх Чи Сянь, не имея за спиной ни учителей, ни покровителей, упрямо шёл вперёд. В двести лет он достиг возведения фундамента, в четыреста сформировал золотое ядро, в пятьсот сорок взрастил зарождающуюся душу, в шестьсот достиг стадии формирования духа, в шестьсот пятнадцать преодолел Скорбь, а сегодня... сегодня он возносится!

— Обычный практик ниже ступени возведения фундамента едва ли доживает до ста пятидесяти. Будь я на его месте, не сумей я пробиться к ста тридцати годам, давно бы опустил руки. Чем дольше бьёшься головой о стену, тем вернее разум захватят внутренние демоны, и конец один — безвременная смерть. Поразительно, как патриарх Чи Сянь сохранил эту железную стойкость.

— Что и говорить... Признаться, мне даже стыдно. Когда патриарх только пришёл в секту, я

уже был великим мастером на стадии Зарождения Души. Он падал предо мной на колени и благоговейно звал Истинным владыкой. Я тогда, разумеется, и взгляда не удостоил какого-то жалкого слугу. И вот прошло восемьсот лет. Пока патриарх истово трудился, забывая о сне и пище, и в итоге стал сильнейшим в Поднебесной, я предавался праздности и уже четыре века не могу сдвинуться со средней ступени формирования духа.

— По силе духа патриарх Чи Сянь — первый среди живущих. Иначе разве пробился бы он к вершине с презренным пятиэлементным корнем?

В этот момент тяжёлые створки врат главного зала на вершине пика Куньюань, доселе плотно закрытые, медленно разошлись в стороны.

— Выходят! Они выходят!

Шум на пиках мгновенно утих. В воцарившейся мёртвой тишине, под прицелом тысяч восторженных взглядов, Чи Сянь переступил порог величественного Зала Куньюань.

Он обрёл непобедимость в этом мире, но стоило мягким лучам солнца коснуться его лица, как на его лице промелькнуло мимолётное смятение.

"Восемьсот лет... Я прошёл пятьдесят три тайных обители, пережил тринадцать войн между светом и тьмой, тридцать три раза балансировал на грани гибели. Мне двенадцать раз приходилось заменять руки, ноги... даже собственное сердце. И вот я здесь"

Мир считал его образцом несокрушимой воли и безупречного духа, но никто не знал его тайны.

Он не принадлежал этому миру.

Он был пришельцем с Земли.

Его звали Чи Сянь. Обычный парень из провинции У, города Цяньши. Отец ушёл рано, и мать в одиночку таскала грузы на рынке с раннего утра до поздней ночи, чтобы вырастить его и младшую сестру Чи Цин.

Но едва он окончил университет, едва пришла пора подарить матери заслуженный покой, как ей поставили страшный диагноз — рак шейки матки. К счастью, болезнь обнаружили вовремя, метастазов не нашли, и врачи давали обнадеживающие прогнозы. Нужна была операция.

Они с сестрой с ног сбились, собирая деньги. Чи Сянь обошёл всех родственников и знакомых, влез в долги и наконец наскрёб нужные двести пятьдесят тысяч юаней. Но по дороге в больницу, когда заветная сумма лежала у него в сумке, его сбила машина.

Последнее, что он запомнил перед тем, как провалиться в небытие, — уезжающий хвост скрывающегося с места аварии автомобиля.

А очнулся он уже здесь, в теле нищего калеки на чужом континенте.

Но страшнее всего было то, что заветные двести пятьдесят тысяч остались на Земле. Без этих денег его мать была обречена.

Эта мысль жгла его изнутри все восемь веков. Все его нечеловеческие усилия, все превозмогания имели лишь одну цель — сокрушить оковы этого мира, вознестись и вернуться домой.

Пусть на Земле давно прошли века, пусть мать уже умерла от болезни или старости... Пока оставался хотя бы призрачный шанс, Чи Сянь не собирался сдаваться.

— Сегодня я полагаюсь на вас! — Чи Сянь глубоко вздохнул, его взгляд вновь обрёл ледяную решимость. Он повернулся к главе секты Куньюань и старейшинам, сложив руки в уважительном приветствии.

— Будьте покойны, даос Чи, — в один голос отозвались мастера стадии Скорби. — Даже если нам придётся расстаться с жизнями, мы оградим вас от любой беды.

Для них этот день тоже был пределом вековых ожиданий.

Пять тысяч лет назад на континенте Минсяо разразилась десятая по счёту война между праведными сектами и демоническими культами. Как и прежде, праведные силы брали верх.

Истинным подарком судьбы стало то, что молодые ученики секты Куньюань случайно наткнулись в пограничном городке на восемнадцатого молодого господина демонического пути. Тот втайне сбежал от своей охраны ради плотских утех и, чтобы его не выследили по магическому следу, оставил все защитные артефакты в землях демонов. Ученики прикончили его без лишних усилий.

У Демонического Владыки была добрая сотня сыновей и без счёта внуков, большинство из которых славились воинской доблестью и вели демонические армии. Восемнадцатый же отпрыск рос ленивым, никчёмным повесой и никогда не пользовался благосклонностью отца.

Орден ликовал, полагая, что нанёс удар по престижу врага. Но никто не догадывался, что из всей сотни детей этот никчёмный дурак был единственным кровным сыном Демонического Владыки.

Все остальные дети не имели к нему ни малейшего отношения.

Владыка захватил престол, коварно предав и убив тяжелораненного предшественника. Большинство демонов презирали узурпатора и отказывались ему служить. Чтобы укрепить свою власть, Владыка решил обзавестись верной армией наследников. Однако, сколько он ни старался, его наложницы оставались бесплодными — сказывалась старая рана, подчистую лишившая его мужской силы.

Тогда он пошёл на хитрость, подсмотренную в хрониках какого-то смертного вельможи, промышлявшего дворцовыми переворотами. Владыка открыл элитный публичный дом, заставил своих наложниц принимать там богатых и могущественных демонов с отменной кровью, а всех рождённых младенцев объявлял своими законными детьми.

Схема сработала безупречно. Лже-наследники унаследовали лучшие гены сильнейших демонов Поднебесной и выросли свирепыми воинами. С их помощью Владыка намертво зацепился за трон.

Своего же единственного, слабенького бастарда он демонстративно игнорировал и держал в чёрном теле, надеясь уберечь от интриг завистливых братьев. План был прост: завоевать праведные земли, поочерёдно вырезать всех приёмных сыновей и оставить империю родному чаду.

Но праведные практики сломали эту игру, оборвав жизнь его единственной родной крови.

Лишившись сына, Демонический Владыка окончательно слетел с катушек. Он бросил свои полчища в безумную, самоубийственную атаку. Понимая, что возмездия не избежать, узурпатор принёс свою душу в жертву древнему проклятию и протаранил канал вознесения, связывавший Минсяо с высшими сферами.

Канал этот не только уводил бессмертных ввысь, но и питал нижний мир чистейшей духовной энергией. С его разрушением воздух Минсяо стал стремительно иссушаться, а новые прорывы к бессмертию сделались почти невозможными. Чтобы вернуть милость небес, требовалось одно: чтобы кто-то прошёл испытание молниями до конца, заставив высшие миры вновь открыть врата.

Но яростное проклятие демона висело над континентом три тысячи лет. Десятки великих мастеров гибли под безжалостными грозowymi разрядами, пока страх окончательно не сковал сердца живых. Никто не решался бросить вызов небесам.

Никто, кроме голодранца из иного мира, которому нечего было терять.

— Ну что ж, — Чи Сянь крепко сжал кулаки. Хватит колебаний. Он полностью отпустил барьеры, сдерживавшие его бушующую силу.

Мощная, невидимая волна давления прокатилась во все стороны. Не успели зрители осознать это, как небеса над главным пиком Куньюань потемнели. Тяжёлые грозовые тучи закружились

в исполинском водовороте, наливаясь смертоносной силой.

— Началось!

— Включить защитный массив горы! — зычно скомандовал Глава секты Куньюань.

Старейшины, отступая вместе с толпой, метнули в воздух заготовленные нефритовые жетоны. Те мгновенно канули в исполинские каменные колонны по периметру пика. В тот же миг из земли вырвалась прозрачная, плотная, как крепостная стена, завеса, накрыв куполом вершину Куньюань.

И тут небеса раскололись.

Первая молния — ядовито-голубой столп толщиной с вековой дуб, несущий в себе первородную мощь разрушения, — с грохотом обрушилась на купол.

Взрывная волна взметнула тучи каменной крошки и пыли, заставив зрителей на окрестных пиках попятиться ещё на несколько ли. Не успели они перевести дыхание, как следом ударил второй разряд — ещё более тёмный и яростный.

Земля содрогалась от непрерывных ударов, словно взбесившийся зверь.

Внутри защитного барьера Чи Сянь стоял неподвижно, не сводя глаз с бушующего в вышине водоворота тьмы.

Снаружи купола толпа напряжённо шепталась:

— Как думаете, сколько ударов выдержит этот массив?

— Говорят, Куньюань вытряхнули все свои сундуки и влезли в долги к другим сектам, чтобы возвести эту защиту. По самым скромным подсчётам, первые сорок ударов она должна поглотить.

Всего Чи Сяню предстояло выдержать сто восемь молний, и каждая последующая была сильнее предыдущей. В былые времена, когда мир ломился от духовной энергии и редких артефактов, подготовленный практик мог переждать всю кару под грудой защитных сокровищ. Но с каждым веком небеса становились лишь злее, и теперь без посторонней помощи выстоять хотя бы восемьдесят ударов считалось чудом.

Однако реальность оказалась куда суровее. Едва прогремел тридцатый удар, как на прозрачном куполе защитного массива пролегла глубокая, светящаяся трещина. А на тридцать втором ударе густо-синяя молния с хрустом разнесла преграду в щепки.

— Дело дрянь! — выдохнул Глава секты Куньюань. — Патриарх, мы поддержим вас!

Мастера не ожидали, что сила кары окажется настолько сокрушительной. Но отступить было поздно.

Один за другим они начали швырять в небо свои ценнейшие реликвии: Треножник Гор и Рек, Знамя Богов и Демонов, Меч Истребления Бессмертных...

Поначалу одного артефакта хватало, чтобы погасить молнию, но вскоре небо начало пожирать по три сокровища за раз.

Другие высокоранговые практики тоже не остались в стороне:

— Примите и мои запасы!

— Пятьдесят восьмой удар!

— Мои артефакты уничтожены...

— У меня остались чётки из священных шариков-шарира, что завещал мне учитель!

— Возьмите мои!

Но к шестидесят пятому удару крики отчаяния зазвучали чаще:

— У меня больше ничего нет!

— И у меня...

— Нам нужно продержаться его хотя бы до восьмидесят пятого удара, иначе всё зря! Он не выдержит!

Над пиком снова сгустился чернильно-чёрный вихрь, предвещающая новую вспышку. Глава семьи Чжао решительно шагнул вперёд:

— Нам некуда отступать.

И дело было не только в судьбе Минсяо. Чи Сянь несколько раз спасал семью Чжао от гибели — так он возвращал долг за ту самую Пиллюлю оттеснения болезней, о которой покойный молодой господин Чжао даже не вспомнил бы.

— Раз уж так сложилось, мы заслоним патриарха своими телами! Поможем ему пережить эти последние двадцать ударов.

— Всё равно за эти годы Чи Сянь почти под корень извёл демоническую шваль. Даже если мы все ляжем здесь, праведный путь не угаснет...

— Прорвёмся!

В ту же секунду, когда с неба сорвался шестьдесят шестой разряд, глава семьи Чжао взмыл в воздух, загораживая собой пик.

Вспышка белого света ослепила зрителей. В следующий миг Чжао, словно тряпичная кукла, рухнул на камни. Он был всего лишь на начальной ступени Скорби.

Правая рука мужчины превратилась в кровавое месиво. Он успел лишь судорожно глотнуть воздух, прежде чем его вырвало кровью, и он лишился чувств.

У державшего его пожилого практика глаза налились кровью. Он яростно обернулся к небу:

— Я следующий!

— И я!

— Я с вами!

Один за другим великие мастера взмывали навстречу слепящим молниям, и один за другим падали замертво, обагрывая каменистую землю своей кровью. Но в их глазах не было страха — лишь глухое, отчаянное упрямство.

Глядя на то, как ради его спасения люди один за другим падают с небес, Чи Сянь оставался внешне спокоен, и лишь пальцы его сжались так, что побелели костяшки.

Он ждал своего часа. И этот час настал быстро.

Едва рассеялся дым после восьмьдесят пятого удара, окровавленный Глава секты Куньюань хрипло выдохнул:

— Патриарх... это всё, что мы могли. Дальше сами.

В этот миг все уцелевшие практики — и тяжелораненые старейшины, и дрожащие от страха ученики на дальних склонах — устремили на него полные надежды взгляды.

Чи Сянь медленно потянул меч из ножен.

Небеса выплюнули восемьдесят шестой удар — тяжёлый, маслянисто-чёрный.

Чи Сянь вскинул клинок, принимая удар на себя.

Раздался оглушительный взрыв. Когда дым рассеялся, земля под его ногами просела на несколько локтей, а лицо патриарха покрыла бледность.

Восемьдесят седьмой, восемьдесят восьмой... девяносто первый.

Чи Сянь лишь сильнее стиснул зубы. Грозовая кара оказалась куда свирепее, чем предсказывали древние свитки. Но он не рухнет здесь. Не после всего, что прошёл.

На девяносто втором ударе он замахнулся и совершил яростный выпад. Чистая, ослепительная волна энергии меча столкнулась с молнией в небе.

Воздух содрогнулся от оглушительного треска. Разряд рассыпался искрами.

Следом рухнул девяносто третий — и точно так же испарился, не достигнув земли.

Девяносто пятый, девяносто шестой...

На девяносто седьмом ударе небесная мощь смяла его технику. Остаточный заряд молнии насквозь прошёл его тело. Чи Сянь устоял на ногах, но по его подбородку побежала струйка тёмной крови.

— Силы патриарха на исходе!

А молнии становились лишь мощнее и падали всё быстрее. Шансы на успех таяли с каждой секундой.

С каждым новым ударом Чи Сяня прижимало к земле. Сначала он опустился на одно колено, а на сто первом ударе его техника меча смогла погасить едва ли треть небесного гнева. Патриарха буквально вколотило в каменное крошево на дне воронки.

А в вышине уже наливался силой сто второй разряд.

Неужели это конец?

Ощущая, как внутренности разрывает от невыносимой боли, Чи Сянь сплюнул кровь. Перед глазамиплыли тёмные пятна.

"Нет..."

Восемьсот лет лишений. Восемьсот лет одиночества и борьбы.

Он не сдастся на самом пороге!

Преодолевая боль, он оперся на меч и поднялся на ноги. С трудом вскинул клинок — и в тот же миг небо обрушило на него сто вторую молнию.

— А-а-а!

Удар пришёлся прямо в грудь. Остаточная волна до основания разрушила последние уцелевшие колонны Зала Куньюань. Чи Сянь лежал на дне кратера, покрытый гарью и кровью. Его правая рука обгорела до кости.

— Всё кончено... — Глава секты Куньюань бессильно опустился на колени.

"Нет, ещё нет..."

Хрипя и захлёбываясь кровью, Чи Сянь протянул левую руку к рукояти меча.

Но небо не знало жалости — сто третий удар обрушился без промедления.

Когда дым рассеялся, левой ноги патриарха не стало.

Глава секты Куньюань закрыл глаза, не в силах смотреть на это. Они проиграли. Последняя надежда Минсяо разбилась вдребезги. Другого такого шанса у этого мира не будет — за пять тысяч лет Чи Сянь был единственным, кто смог дойти до этой черты.

— Патриарх! — разрыдался Глава семьи Чжао.

Кара не остановится, пока не выжжет нарушителя дотла. Исход был предreshён.

Пошёл холодный, тяжёлый дождь. Крупные капли падали на изувеченное лицо Чи Сяня, возвращая ему остатки угасающего сознания.

"Неужели это смерть? Но почему... почему мне так горько?.."

Потому что он не имел права умирать! Не имел права забрать с собой в могилу надежду всего Минсяо!

И самое главное — на Земле его всё ещё ждала мать. Ждала его и те деньги, которые могли спасти ей жизнь.

— Я не могу умереть! — яростно прохрипел Чи Сянь, срывая голос.

Собрав последние крохи жизненной силы, он крепко сжал рукоять меча левой рукой и сделал отчаянный, широкий замах.

В тот же миг клинок вспыхнул ослепительным, чистым золотом. Это был золотый свет заслуг.

Световой столб пронзил тучи, в мгновение ока аннигилировав падающую молнию, и с размаху врезался в самый центр грозового вихря.

Где-то в заоблачной вышине раздался глухой, тяжёлый треск — будто рухнула невидимая преграда.

Все затаили дыхание. Сердца практиков забились в бешеном ритме.

Чи Сянь почувствовал, как этот золотой свет наполняет его силой. Словно ухватившись за спасительную нить, он принялся иступлённо разить небо одну секунду за другой.

Удар, ещё удар, третий, четвёртый!

Под грохот распадающихся небесных сфер сто пятая, сто шестая, сто седьмая и последняя, сто восьмая молнии обратились в безвредный пепел.

Наступила звенящая тишина.

Минута показалась очевидцам вечностью.

— Патриарх... победил?

Они смотрели на Чи Сяня, застывшего на дне воронки, на его светящийся золотом меч и на то, как медленно, с неохотой рассеиваются грозовые тучи.

Внезапно облака разошлись, и на землю пролились тёплые золотые лучи, озаряя измученные лица людей.

— Он смог! Он победил!

Эхо безумного, восторженного крика прокатилось по горам.

— Патриарх выжил!

— Мы спасены! У Минсяо снова есть путь к небесам!

— Ами табха... Слухи не лгали. Сердце даоса Чи воистину было преисполнено добродетели и чистоты, раз в смертный час его защитил золотой свет заслуг!

Рыдания и безумный смех разом зазвучали над пиками Куньюань.

До Чи Сяня наконец дошёл смысл происходящего.

"Я смог... У меня получилось!"

Его дыхание прерывисто сбилось, грудь тяжело вздымалась.

"Я возвращаюсь домой!"

Тучи окончательно растаяли, и хлынувший с небес золотой поток сошёлся в один плотный луч, согревая Чи Сяня. Его истерзанное тело вдруг потеряло вес и плавно устремилось вверх.

— Смотрите, это же канал вознесения!

— Патриарх Чи Сянь возносится!

Ученики и старейшины Куньюань первыми бросились вперёд, протягивая руки:

— Патриарх!

Чи Сянь обернулся.

Глава секты Куньюань, шатаясь от слабости, медленно опустился на колени и низко склонил голову:

— Провожаем патриарха!

— Провожаем патриарха! — вторили ему тысячи голосов, склоняясь в глубоком поклоне.

Глядя на это зрелище, Чи Сянь ощутил лёгкую тоску. Всё же он прожил здесь восемь веков, обрёл друзей и соратников. Теперь он уходил, и бог ведаёт, свидится ли с ними вновь.

Он поднял уцелевшую руку, салютуя им на прощание:

— Я выполнил свой долг. До встречи, друзья!

Сердца практиков затрепетали от восторга. Канал вознесения был восстановлен. Это значило, что со временем Минсяо вновь наполнится духовной энергией, и через несколько столетий они смогут встретить Чи Сяня там, в высших мирах.

— До встречи, патриарх!

Чи Сянь отвернулся от исчезающей внизу земли и устремил взор в золотой водоворот. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее.

"Ещё немного..."

Золотое сияние вспыхнуло так ярко, что заставило его зажмуриться, а затем мир погрузился в абсолютную темноту.

Начался долгий, изнурительный переход сквозь пространство и время. Он мог длиться века, а мог — всего мгновение.

Когда силы Чи Сяня были уже на исходе, резкий белый свет ударил по глазам. Тело обдало чувством невесомости, и он рефлекторно ухватился за что-то холодное и твёрдое, оказавшееся под рукой.

До слуха донеслись забытые, но такие родные звуки: шарканье подошв по асфальту, визг тормозов, далёкие крики спорящих людей...

Чи Сянь распахнул глаза. Зрение медленно сфокусировалось.

Перед ним лежал грязный, обшарпанный переулок — тот самый, который он мысленно рисовал в голове каждую ночь на протяжении восьми сотен лет. Разве что теперь он выглядел ещё более запущенным.

"Я... дома?"

На мгновение его охватило оцепенение.

В следующую секунду он сорвался на бег, не разбирая дороги и расталкивая редких прохожих.

Он бежал, пока не упёрся в фасад старой, полуразрушенной пятиэтажки.

Из подъезда как раз выходила немолодая женщина. Увидев его, она застыла на месте, округлив глаза:

— Чи Сянь?!

Но потрясение быстро сменилось яростью, и она разразилась бранью:

— У тебя ещё совесть есть сюда соваться?! Ты хоть представляешь, как твоя мать и сестра без тебя выживали все эти годы?!

Чи Сянь резко затормозил. Тяжело, со свистом дыша, он медленно сполз по кирпичной стене прямо на пыльный асфальт.

Женщина продолжала кричать, но он лишь прикрыл глаза, пытаясь перевести дух, и на его губах впервые за долгие века появилась слабая, искренняя улыбка.

Они были живы. Мама, Чи Цин и стоящая перед ним тётушка Сун — все они были живы.

<http://bllate.org/book/20654/2105684>